ГОДЫ РЕПРЕССИЙ

ЧУЖИЕ СРЕДИ СВОИХ

Перед нашей встречей Галина Ильинична КРАСНОПЕРОВА очень волновалась – вспоминать о годах репрессий тяжело и обидно, хотя она тогда была маленькой девочкой и знает о том периоде жизни лишь по словам мамы Еевы-Лилии Павловны Самсоновой.

ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ

– Вот здесь, в селе Казачьем, в Якутии, я и родилась в 1946 году, сестра моя Нина – в 1945-м, – показывает она на незаметную точку на географической карте. – Именно сюда и выслали бабушку, маму (ей было 20 лет), двух ее братьев и сестру (они были еще меньше) – по решению военного Совета Ленинградского фронта от 20 марта 1942 года. Срок высылки не был указан. Но зато обозначен мотив – «по национальному признаку». А дело в том, что моя мама – финка-ингерманландка, родом из д. Островки Всеволожского района Ленинградской области. Во время блокады немцы сожгли почти всю деревню, и вся их большая семья скрывалась в лесу. Так вместо того, чтобы защитить пострадавших от фашистов людей, их вновь подвергли испытаниям: арестовали, погрузили в товарняк и повезли... Куда – никто не знал. Ехали долго, будто на край света. Так и получилось. Очередная остановка. Кто-то сказал: «Якутия...»

То, что увидели ступившие на землю ссыльные, повергло в шок – кругом одни болота, леса, мошкара... и какая-то за этими могучими деревьями затаенная беда. Сразу подумалось – привезли на вымирание. Ведь в документах значилось – «без права выезда назад». Хотя находились (как узнавали потом) люди, которые пытались уехать и уезжали. Но у моих родных не было паспортов, а без них близко не подпускали к пароходам.

РАССТРЕЛЯННАЯ ЛЮБОВЬ

У Галины Ильиничны сохранилась фотография отца Ильи Петровича. На пожелтевшем от времени снимке – здоровый, красивый, улыбающийся мужчина...

Калининскому парню (а он тоже был из «политических») приглянулась молоденькая финночка. Поженились. Жить бы да поживать, вместе трудности преодолевать, так судьба опять по-своему распорядилась. Илью Петровича, занимавшегося вопросами продовольствия, арестовали. Но разлуки с семьей за колючей проволокой он не вынес – бежал. Первый его побег оказался неудачным – его поймали. Во второй раз его настигла уже пуля охранника и навсегда уложила в сырую чужую землю. На память об отце у Галины Ильиничны осталось письмо – на одной стороне листа – нарисованный им акварельными красками пейзаж, на другой – слова: «На долгую память любимой дочурке Галине от папы. Расти красивой, здоровой и умной. Жди меня. Целую. Папа. 1948 год». Такое же письмо хранится и у Нины, сестры.

Девочки мало что знали об отце, мать боялась говорить на эту тему – страх преследовал ее всю жизнь. Дети помнят, как она останавливала их, когда они громко разговаривали: «Тише вы... Тише... Услышат...» Но в вину мужа не верила, а любовь к нему, расстрелянную охранником, пронесла в сердце через годы, закрыв навсегда к нему путь для других.

СКОРЕЕ – ДОМОЙ!

Репрессированные жили в бараках. Оконные проемы были не застеклены. Прутья, которые были вставлены вместо стекол, замораживались, щели покрывались толстым слоем снега, который почему-то не таял, хотя в помещении было душно, зимой топили много – на улице температура достигала и 60, и 70 градусов ниже нуля. Но свет сквозь толщину снега все равно как-то проникал, пока на улице не потемнеет. Так и жили. Держались друг друга, чтобы не пропасть. Братья Лилии Павловны – Матвей и Иван (тогда еще молодые пареньки) любили ходить на рыбалку на реку Яну, в лес на охоту, по ягоды.

Запомнила маленькая Галя собачью упряжку, что была у них, одного из четвероногих помощников Джульбарса; быстроногих оленей. А еще, как делали сами мороженое.

– В доме, – делится моя собеседница, – всегда были на столе оленина, строганина, дичь. Одеты мы были во все меховое – шубки, шапки из лебяжьего пуха, в унты (торбазы), сшитые из оленьих шкур. У нас были книги, куклы.

И, несмотря на все, жизнь в чужом крае, там, где ты ограничен в правах, несвободен, где каждый шаг твой контролируется, – была невмоготу. Душа и сердце рвались на родину. И такой день наступил.

– Это было в августе 1951 года, – продолжает рассказ Галина Ильинична. – Мы сели на пароход и поплыли на Архангельск. Помню грохот двигателей, качку. Плыли очень долго. С собой везли сухое молоко, сухофрукты и сухой картофель.

Наша семья решила поселиться в Карело-Финской АССР. Немного пожили в Сямозеро, после перебрались в Кондопогу. Обосновались в доме барачного типа. В 1953 г. я пошла в 1 класс. Маме предложили более высокооплачиваемую работу в леспромхозе бухгалтером на ст. Шуйская. Уезжать из города нам, девчонкам, не хотелось. Но оказалось, что в сельской местности ничуть не хуже – красивая природа, чистый воздух, гуляй, где хочешь – полная свобода. В хозяйстве мы завели козу, поросят, кур. Яйцо и ягоды продавали. Мама получала 55 рублей, а, кроме того, что нас надо было одевать, кормить, помогала еще своим братьям, сестре, бабушке. Жили мы бедно, но дружно, часто встречались с родственниками по праздникам, в дни рождения – трудные годы в ссылке настолько сплотили всех нас, что мы, не видя какое-то время кого-то из маминых родных, начинали скучать.

Я закончила 11 классов, получила в школе специальность механизатора широкого профиля, кстати, хорошо владела доильным аппаратом. Но после окончания школы выбрала профессию врача. Сестра Нина уже училась в Петрозаводском госуниверситете на биофаке, я поступила на медицинский факультет.

СВО-БО-ДА!

В 1991 г. вышел указ о реабилитации жертв политических репрессий. Первой получила такую справку Лилия Павловна – это было 7 октября 1994 года. Потом, уже после издания еще одного правительственного документа в 1995 г. о реабилитации и детей, пребывавших с родителями под надзором с ограничением прав и свобод, восстановили в правах и Нину с Галиной.

– Конечно же, все, чего мы потом добились в жизни, – заслуга моей мамы Лилии Павловны Самсоновой, – считает Галина Ильинична. – Она всю свою жизнь посвятила нам, а также своим братьям и сестре. Работала, всех учила. Один мой дядя стал строителем, другой – закончил финно-угорское отделение.

Несомненно, переживания, унижения, которыми подвергли мою маму и ее родных, сказались на ее здоровье – в 51 год она лишилась зрения.

Вот уже как год с нами нет нашей мамы. И когда я вспоминаю о ней – каждый раз на глаза наворачиваются слезы. Горькая у нее была судьба. За что ей пришлось терпеть столько лишений? За то, что она была другой национальности? Чужая среди своих.

РАБОЧЕОСТРОВСК – РОДНАЯ СТОРОНА

После окончания университета выпускнице Галине Самсоновой предлагали два места для работы – о. Валаам и п. Рабочеостровск. Оба, на ее взгляд, были неперспективными. Но Рабочеостровск находился рядом с железной дорогой, и молоденький доктор выбрала поселок. Приехала сюда не одна – с мужем – Леонидом Николаевичем Красноперовым, он устроился на лесозавод электромонтером.

В те далекие семидесятые работы медикам в поселке хватало: действовала участковая больница на 20 детских и 20 взрослых коек, несколько фельдшерско-акушерских пунктов. Галина Ильинична работала терапевтом – и в больнице, и на вызова к больным пациентам ходила, и прием вела.

Поначалу очень не понравилось ей на Рабочем, особенно поразили ее карликовые деревья, дома барачного типа, пронизывающий до костей студеный ветер. Однако мужу приглянулись эти места – рядом море, а значит – великолепная рыбалка. И сколько потом не уговаривала она супруга уехать в Петрозаводск или в Шую – ни в какую. Так и стал Рабочеостровск их родной сторонкой.

26 лет отработала Галина Ильинична Красноперова участковым врачом, помогла не одному человеку встать на ноги, поверить в себя, лечила и лекарствами, и добрым словом. На заслуженный отдых ушла рано – так сложились семейные обстоятельства, помогала детям растить внучек. И, конечно же, не забывала о себе – ежедневные лыжные вылазки зимой, занятия в тренажерном зале, изучение финского языка, благотворительная работа.

У одного русского писателя есть замечательные слова – «Жизнь – не те дни, что прошли, а те, что запомнились». И Галине Ильиничне, действительно, есть что вспомнить.

Г. НАРМАНИЯ

Г.И. Красноперова (справа)

На снимках: 1954 г. Лилия Павловна с дочками; так выглядит сегодня родина Л.П. Самсоновой (Ленинградская обл.).

Фото из семейного архива.

ПРОБЛЕМА

Дела коммунальные

Год назад мы, жильцы дома № 65 по Пролетарскому проспекту, обращались в МУП ГУКХ по поводу течи канализации в подвале. Но так ничего и не сделано. Жильцы страдают от зловония из подвала.

Хорошо, что отремонтировали крышу, но окна на чердак не закрыты, и в них попадает снег. А на чердаке трубы отопления. Последствия такой бесхозяйственности могут быть плачевными.

Двор возле дома не чистится и превратился в настоящий каток. Почему у нас не работают дворники? Кроме того, во дворе нет освещения.

Кто решит наши проблемы?

Ю. ТИТОВ

А будет свет?

Около 30 лет прожила я на ул. Свердлова. Многие годы встречали Новый год в темноте – постоянно отключали свет. При моем обращении в соответствующие инстанции меня и моих соседей успокаивали, дескать, построят новую подстанцию – и все придет в норму. Однако спустя некоторое время я переехала в этом же микрорайоне в дом № 2 по ул. Пуэтной, а отключения света, в том числе и на Новый год, продолжаются. К сожалению, и не только по праздникам часто сидим без света. Именно сидим, так как газа нет. А это значит, что не приготовить пищу, отключают и тепло, а следом и воду. Вот и хочется мне задать нашим властям вопрос: «Будем ли мы со светом на Новый год и что для этого предпринимается?»

Г. ПОЗДНЕЕВА